

RU

«Детский» мир поэзии Олега Григорьева для взрослых

Баранов Д. К.

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы уточнить представление об устройстве художественного мира неподцензурной поэзии Олега Григорьева для взрослых через сопоставление ее с вышедшими официально произведениями автора для детей. Предшествующие исследователи, если и обращались в редких случаях к подобному сопоставлению, лишь вскользь отмечали отдельные переклички между двумя пластами творчества Григорьева на уровне общих тем и языковых приемов. Научная новизна исследования заключается в том, что взаимосвязь творчества поэта для взрослых и для детей рассматривается на более глубоком уровне. С помощью мотивного и интертекстуального анализа в статье демонстрируется, что в поэзии для взрослых воспроизводятся со сдвигом многие узнаваемые элементы поэзии для детей. В центре внимания оказывается в первую очередь бытовое наполнение реальности: образы посуды, еды и связанные с этими образами ситуации и сюжеты. На примере бытового аспекта художественного мира демонстрируется, как темы детских шалостей и запретных лакомств последовательно трансформируются в темы беспричинного насилия и каннибализма. В результате доказывается, что детские и взрослые стихи Григорьева нужно рассматривать не отдельно друг от друга, но именно в их тесной взаимосвязи, так как они вместе работают на создание единой художественной концепции поэта: взрослый мир представляет собой искаженный, извращенный мир детства, но важно, живя в этом жутком мире, стремиться сохранить в себе детское, творческое начало.

EN

The “childhood” world of Oleg Grigoriev’s adult poetry

D. K. Baranov

Abstract. The research aims to refine the understanding of the artistic world of Oleg Grigoriev’s uncensored poetry for adults by comparing it with his officially published works for children. While previous scholars have occasionally made such comparisons, they have only briefly noted individual resonances between the two layers of Grigoriev’s creative output at the level of general themes and linguistic techniques. The scientific novelty of this study lies in examining the relationship between the poet’s work for adults and children at a much deeper level. Using motif and intertextual analysis, the article demonstrates that adult poetry reproduces many recognizable elements of children’s poetry with a distinct “shift” or displacement. The focus is primarily on the mundane filling of reality: images of tableware, food, and the situations and plots associated with them. Through the domestic aspect of the artistic world, the study shows how themes of childhood pranks and forbidden treats are consistently transformed into themes of unprovoked violence and cannibalism. Consequently, the study argues that Grigoriev’s children’s and adult poems should not be viewed in isolation but rather in their close interconnection, as they collectively work toward a unified artistic concept: the adult world is a distorted, perverted world of childhood; however, it is vital while living in this gruesome world to strive to preserve one’s childlike, creative essence.

Введение

Не все согласны с тем, что разделение на «детское» и «взрослое» творчество Олега Григорьева вообще релевантно (Лекманов, 2004, с. 60; Юрьев, 2014), и все же представляется, что нельзя игнорировать как минимум разницу в бытовании и в прагматике этих произведений. Конечно, детские тексты предполагают в том числе взрослого читателя (Топоров, 1995, с. 314), хотя бы потому что на него рассчитаны многие литературные отсылки, однако еще Е. В. Хворостьянова (2002, с. 44–46) писала о том, что стихи для взрослых изначально не рассчитаны на детей.

В то же время ясно, что эти два пласта поэзии автора связаны друг с другом – и характер этой связи нуждается в осмыслении. Порой исследователи обращали внимание на то, что в чем-то стихи Григорьева для детей

и для взрослых схожи. В них возникают схожие темы (например, непростые отношения свободолюбивых детей и дидактичных взрослых (Губайдуллина, 2006)), используются схожие приемы (Скулачев, 2012, с. 16-18), в том числе языковые (Morse, 2018, р. 120-128). Порой исследователи обращают внимание на черты взрослой поэзии в детских стихах, чтобы показать, что детские стихи серьезнее, чем кажется на первый взгляд (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 394; Бокарев, 2024, с. 393-394).

Однако не менее важно посмотреть, наоборот, на то, как во взрослой поэзии возникают детали, узнаваемые по стихотворениям для детей. Как будет продемонстрировано, при всей кажущейся принципиальной разнице между светлой детской поэзией и неподцензурным, исполненным насилия взрослым творчеством – в мире взрослых текстов детский взгляд, который всегда был так интересен Григорьеву (Хворостьянова, 2002, с. 18; Козлова, Куляпин, 2008, с. 106; Зайцева, 2017), тоже дает о себе знать. Представляется, что перед нами одно из проявлений принципа метаморфоз, крайне важного для поэзии автора (о других вариантах его проявления: Хворостьянова, 2002, с. 38; Скулачев, 2012, с. 13-14; Бокарев, 2024, с. 395-396). Взрослый мир – это в каком-то смысле все тот же детский мир, только чудовищным образом трансформированный.

Стремление осмыслить взаимосвязь между взрослой и детской поэзией Григорьева ставит перед нами следующие задачи:

1. Рассмотреть, как темы, характеризующие художественную реальность поэзии автора для детей (речь в первую очередь об образах посуды, еды – о том, что связано с повседневным бытом), отражаются во взрослом творчестве поэта.
2. Отметив переключки между двумя пластами творчества Григорьева, уточнить представление о художественном мире его произведений в целом.
3. Наметить, какие перспективы для дальнейшего изучения творчества Григорьева открывает осмысление поэзии автора для взрослых через ее сопоставление с детскими стихами, выйти на новые ракурсы рассмотрения, казалось бы, хорошо изученного современным литературоведением материала.

В основе исследования лежит метод классического мотивного анализа, позволяющий как установить смысловые переключки между двумя направлениями творчества автора, так и уточнить представление о художественной системе в целом. Кроме того, в силу повышенной интертекстуальности поэзии Григорьева (Хворостьянова, 2002, с. 49-114) при разборе и интерпретации отдельных произведений по мере необходимости привлекается метод интертекстуального анализа.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в результате проведения анализа удастся осмыслить, как соотносятся между собой подцензурная и неподцензурная линии творчества одного из наиболее самобытных отечественных авторов второй половины XX века, а значит, это приблизит нас к лучшему пониманию особенностей взаимодействия официальной литературы и литературы андеграунда в позднесоветское время. Это видится особенно значимым в связи с тем, что современное литературоведение уделяет пристальное внимание процессу трансформации системы советской литературы в постсоветскую.

Материалом исследования послужили как детские произведения Григорьева – в первую очередь опубликованные в трех прижизненных сборниках («Чудаки» (1971), «Витамин роста» (1980), «Говорящий ворон» (1989)), – так и его взрослая неподцензурная поэзия, попавшая в официальную печать уже после смерти автора (наиболее полными сборниками, по которым в исследовании и приводятся тексты Григорьева, являются следующие: Григорьев, 1997; 2008).

Теоретической базой послужили исследования, посвященные творчеству Олега Григорьева (как официальному, так и неподцензурному). Особое место среди них занимает известная монография Хворостьяновой (2002), которая убедительно продемонстрировала смысловую глубину и сложность структуры поэзии автора. Ее тезисы развивались в также учитывавшихся нами работах последующих исследователей, сосредоточенных в первую очередь на теме взаимоотношений взрослых и детей в поэзии Григорьева (Губайдуллина, 2006), связи творчества автора с близким и дальним литературным контекстом (Лекманов, 2004; Козлова, Куляпин, 2008; Юрьев, 2014; Дерябина, 2018), на описании мотивной и персонажной системы (Лейдерман, Липовецкий, 2003; Бокарев, 2024), языковых и композиционных приемов (Скулачев, 2012; Зайцева, 2017; Morse, 2018).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных истории русской литературы XX века, истории и теории детской литературы и литературы андеграунда.

Обсуждение и результаты

Михаил Яснов (2002) приводит следующее рассуждение А. А. Крестинского: «Персонажи стихов Григорьева не имеют имен. И в детстве, и во взрослости они кличутся по фамилии. Фамилии подчеркнута массовые, рядовые, бесцветные: Клыков, Петров, Сизов... В детских стихах эти персонажи олицетворяют нелепый идиотизм школьной жизни. В стихах взрослых – те же Клыков и Сизов, только уже спившиеся, скатившиеся на дно».

Однако едва ли можно согласиться с критиком, что персонажи детских стихов с соответствующими фамилиями «олицетворяют нелепый идиотизм школьной жизни». Напротив, важно то, что в детской поэзии может найтись Сизов, который «слушает тишь» (Григорьев, 1997, с. 30), мечтает стать птицей («Мечты и реальность») или превращается в шмеля («Цветник»), а во взрослой жизни некто Сизов напивается («Сизов»), дерется («Драка», «Кирпич»), мучает других («Сизов подшутил опять»), умирает («Сизов торговал на вокзале...»,

«На углу переулкa с вилкой...», «Сизов умер, но ожил снова...»), убивает («УГРО») и т. д. Если представить, что все персонажи-дети с фамилией Петров представляют собой в детской поэзии одного и того же героя, то главные грехи этого безобидного мальчика, который «никогда не кусал комаров» («Комары»), заключаются в том, что он – возможно – тайком ест чернику («Черника»), делает вид, что готов к уроку, надеясь, что его не спросят («Внутри и снаружи»), играет на уроках («Карты»), вырывает страницы дневника («Война») – не то что тот Петров из взрослых стихов, который, «Ругая жену во всю мочь, / Давил ее ржавым тросом», или тот Петров, который убивает себя («Я спросил электрика Петрова...») или умирает на зоне («Всю ночь Петров в тифу горел...»). Где-то мы видим, что ребенок по фамилии Сидоров пытается исправить оценку в дневнике («Двойка»), где-то ребенок с такой фамилией падает со стула во время еды и пачкается («Сидоров»), где-то пьет молоко и открывает для себя законы течения времени («Сидоров хотел выпить молоко...»). Во взрослой поэзии некто с фамилией Сидоров может убивать («Сидоров с красным носом»), может совершать самоубийство («Сидоров впал в кручину...»), может, будучи слепым, кланчить деньги на водку («Скокарев был глух...») – и именно на этом фоне сильнее впечатление от того, что порой герой с подобной фамилией может оказываться способен к единению с природой, что в григорьевском мире обычно характерно для детей (Губайдулина, 2006, с. 88-92) («Он был Сидоровым, который сидит под деревом...»).

«Преемственность» имен, объединяющих столь разных персонажей, наводит на мысль, что художественная реальность взрослой поэзии – это, как ни странно, искаженная реальность светлого детского мира. Об этом же говорит то, что в поэзии Григорьева для взрослых нередко встречается следующая сюжетная модель: стихотворение начинается как произведение для детей (например, изображается узнаваемая сцена из школьной жизни), но затем вдруг поднимаются темы секса, смерти, насилия, события принимают неожиданный и пугающий оборот (тексты вроде «Токарь Ложкин шел по дорожке», «Очки», «Рана», «Учитель со стола вешал карту...» «Дети играли в дочки-матери по кругу», «В саду», «Жмурки», «Мальчик Шмяк и девочка Шлёп...» «Иду в школу», «Двор» и т. д.).

Но о детской поэзии напоминают не только те тексты, которые начинаются со сцены из детской жизни или в которых встречаются знакомые имена. Важно и само устройство физического мира, окружающего персонажей Григорьева. Во взрослой поэзии встречаются все те же узнаваемые образы – но реализуются они «со сдвигом».

Например, в поэзии для детей часто упоминается разнообразная посуда: стаканы, тарелки, ложки, кастрюли и т. д., и это неудивительно, ведь часто поводами для сюжетов становятся бытовые ситуации из повседневной жизни (Дерябина, 2018, с. 4). Разбитое окно («Окошко», «У окошка»), разбитый стакан («Разбили»), опрокинутая ваза («Ваза») – нестрашные проблемы, с которыми сталкиваются дети. Во взрослой поэзии последствия могут быть серьезнее:

«Разбил в туалете сосуд.
Соседи подали в суд.
Слева винтовка, справа винтовка,
Я себя чувствую как-то неловко» (Григорьев, 2008, с. 89).

В целом во взрослой поэзии посуда представляет собой устойчивый атрибут повседневного быта, только связанного с алкоголизмом, наркотиками, насилием, одиночеством и общей неустроенностью:

«Живу – не живется.
Все падает,
Ломается,
Рвется, мнется –
Цветы, стаканы, подруги...
И сердце не бьется –
А как-то плескается,
Словно в колодец
Ведро опускается» (Григорьев, 2008, с. 33).

Разбитая посуда вторит общей теме разорванности и ненадежности мира:

«Земля тормознула резко.
Я о шкаф ударился с треском.
Все стекла и рюмки побиты –
Земля соскочила с орбиты» (Григорьев, 2008, с. 399).

«Нашли труп
В системе отопительных труб.
<...>
Я говорю: “Прокисло молоко”,
<...>
А тут еще эти трое:
Уснул один,
Разбил графин,
Махнув рукой,
Уснул другой» (Григорьев, 2008, с. 238) («В том числе»).

«Он спал за столом бороною в борще.
Я тряс его за уши, но вотще.
Была разбита фрамуга.
Я ушел удрученный от друга» (Григорьев, 2008, с. 93) («Прогулка»).

«Принес его домой.
Еще он долго злился –
Разбил сервант ногой,
А к утру обмочился...» (Григорьев, 2008, с. 197) («Сизов»).

Стоит подробно рассмотреть следующее двустишие:

Если ты живёшь в стакане,
Не швыряй в соседей камень (Григорьев, 2008, с. 158).

Здесь соединяются и обогащают друг друга несколько смысловых пластов. Так, перед нами отсылка к известной английской поговорке: “He that hath a house of glass must not throw stones at another” (Smith, 1970, p. 160). / «Тот, у кого дом из стекла, не должен бросать камни в другого» (перевод выполнен автором статьи. – Д. Б.). Григорьев трансформирует первоисточник, используя языковую игру и «вписывая» фразу в контекст мотивной системы собственной поэзии.

Так, слово “glass” в поговорке означает ‘стеклянный’ (дом), однако Григорьев берет другое значение слова – ‘стакан’. Благодаря этому сдвигу возникает, казалось бы, абсурдистский образ человека, который находится (более того – живет) в стакане. Между тем этот образ «фундирован» в поэзии автора. Так, образ живого существа – например, насекомого, – попавшегося в (под) стакан, явно напоминает о детских забавах, нашедших отражение в детской поэзии Григорьева («Этюд», «Таракан»). В то же время упоминание о том, что в стакане живет человек, вызывает ассоциации уже с фантазмагорией взрослых григорьевских текстов:

«Я думал, что я великан, –
А меня опрокинули и налили в стакан» (Григорьев, 2008, с. 198) («Винты»).

«– Я гном
Ростом с дом.
Облака плывут вроде льдин.
Кругом люди – а я один.
– А я великан
Со стакан.
Тоже совсем одинок –
Среди чемоданов и ног» (Григорьев, 2008, с. 140).

В последнем приведенном тексте возникает явная параллель между стаканом и домом (и тому, и другому может быть равен рост персонажа), что, в свою очередь, заставляет нас вспомнить о словах “house of glass” из исходной поговорки.

В детской поэзии Григорьева «стеклянный дом» – образ, мотивированный «волшебным» взглядом ребенка:

«Дом стеклянный, полный воды,
В котором живут рыбешки,
А кругом расцветают сады –
И все это на окошке» (Григорьев, 1997, с. 85).

Перед нами очередная трансформация: во взрослой поэзии «стеклянный дом» – это стакан. И наполнен он отнюдь не водой, см.: «Пошли, бутылки сдали / И по новой поддали. / Потом еще два стакана... / Скажи, ты он или она?» (Григорьев, 2008, с. 204) («Гвозди»); «Что же, нету и не надо / Друга и подруг. / Стаканов стоит бригада / И бутылок круг...» (Григорьев, 2008, с. 188) («С днем рождения, день рождения...»); «Т. мыла пол / И ходила раком. / Налил я стакана-пол / И выпил с криком» (Григорьев, 2008, с. 77) и др.

Становится ясно, что слова «живешь в стакане» можно интерпретировать не только в фантастически-гротескном ключе. Здесь можно увидеть почти языковую метонимию (ср. конструкции вроде «на дне бутылки», «на дне стакана»): «в стакане» живет маргинал-алкоголик. Получается, возможны две интерпретации основного посыла двустишия.

Более «буквальное» прочтение дает следующий смысл: не стоит швырять камень, иначе можешь разбить собственный «дом», то есть не стоит совершать поступок, результаты которого могут обернуться против тебя (ср. с выражением «не плюй против ветра»). Но если в «жизни в стакане» мы видим указание на алкоголизм, актуализируется другой смысл: не стоит обвинять в чем-то других, когда ты сам не совершенен. Представляется, что именно этот смысл основной, так как поддерживается главным интертекстом – библейским: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень» (Иоан. 8:7) (значимость библейских подтекстов в поэзии Григорьева раскрывается в труде Хворостьяновой (2002, с. 49-114)).

Герои взрослых текстов Григорьева, живущие «в стакане», находятся в постоянном ощущении тесноты и безнадёжности, жизнь «на дне» располагает к тому, чтобы выплескивать чувства с помощью агрессии. Показательно

следующее суждение: «В этой онтологической тесноте каждое движение неизбежно приводит к разрушению чего-то “соседнего”, каждый жест приходится по чьей-то морде, каждый шаг становится пинком. Насилие здесь нормально, привычно и обыденно» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 394). В связи с этим тем более важно, что даже в этой ситуации герои отдельных григорьевских текстов неожиданно оказываются способны на чуть ли не библейское всепрощение. Они не совсем утратили детский взгляд, несмотря на то, как во взрослом мире трансформировались все элементы мира детства.

Говоря о «превращении» бытового мира детской поэзии в мир поэзии взрослой, стоит особое внимание уделить важному тематическому пласту – пище и всему тому, что с ней связано. В детском мире Григорьева герои постоянно едят, зачастую что-то запрещенное, нарушая навязываемые им правила («Пирог», «Настроение», «Брюква», «Черника», «Сизов на уроке вязанья...»). Тема нарушения запрета в связи с едой во взрослой поэзии выходит на новый уровень: возникают сюжеты об убийстве путем отравления – причем герой может быть и отравителем («Рога»), и жертвой (ср.: «Был бабник отъявленный. / Здесь покоюсь, женою отравленный» (Григорьев, 2008, с. 55) («Эпитафии»)).

Но что гораздо важнее, часто появляется тема каннибализма. Ее возникновение, впрочем, на определенном уровне мотивировано образной системой целого ряда произведений – как взрослых, так и детских.

Так, в детском стихотворении «Колобки и лепешки» обыгрывается сюжет «Колобка», но при этом в финале одушевленная еда должна быть съедена детьми:

«Надели, как шапки, лепешки,
Сметаной себя облили
И к столу подкатили...
И вот они по тарелочкам –
Мальчикам в радость и девочкам» (Григорьев, 2008, с. 48).

Здесь поедание кого-то одушевленного не воспринимается как что-то серьезное в силу общей «сказочности» происходящего. В стихотворении «Каравай» появляются «Мальчик – Мякиш / И девочка – Корка» (Григорьев, 1997, с. 48), которые, скатываясь с горы, слепляются в круг каравая. Однако, опять же в силу условности детского текста, нам вряд ли придет в голову увидеть в этом стихотворении потенциально заложенный сюжет о каннибализме.

Во взрослой поэзии, как и в детской, тема поедания человека может задаваться не уровнем предметного мира, а лишь образной системой:

«В вареную круто погоду,
В самый жареный час
Сырая масса народу
В песке на пляже пеклась» (Григорьев, 2008, с. 300).

Здесь тема еды задается как бы случайным употреблением перекликающихся слов «круто вареный», «жареный», «сырая масса», «пеклась». Схожую ситуацию мы видим в стихотворении, построенном на ироническом обыгрывании встречающегося в языке и культуре метафорического сближения голода и похоти (ср. использование слов вроде «сладкая», «аппетитная» и т. д. в эротическом контексте):

«Ее филейные части –
Грудина, пашина, кострец –
Трепетали от счастья,
Когда подходил конец» (Григорьев, 2008, с. 242).

Параллель «человек – еда» может быть заметна в большей или меньшей степени. Например, в следующем двустишии она задается в первую очередь синтаксической структурой и рифмой, и уже за счет этого подчеркивается метафорическое сходство (люди в доме в тесноте, как пельмени в кастрюле):

Поселился в дом многоэтажный.
Варю пельмени кастрюле многолитражной (Григорьев, 2008, с. 61).

Упомянутая параллель может принимать вид и прямого сравнения, как в стихотворении «Я к другу пришел налегке»: «...Устроился спать в уголке, / Свернувшись, как завтрак в газете» (Григорьев, 2008, с. 174).

Но неслучайно В. Шубинский отмечал, что «у Григорьева нельзя отделить сюжет стихотворения от языка, которым он рассказан, от образов и иных поэтических тропов» (1993, с. 233). Граница между уровнями языка и предметного ряда размыта: то, что в одном тексте является лишь метафорическим образом, в другом легко может материализоваться. Именно это мы видим в случае с образом «очеловеченной» еды.

Так, в стихотворении «Очки» и заглавие, и первый стих («Возьми поварешку и в кастрюле ищи» (Григорьев, 1997, с. 64)) напоминают о детских стихах и могут задавать определенную схему ожидания: вероятно, перед нами нелепая бытовая ситуация, в которой дети – незадачливые повара (ср. «Песня про тесто») – уронили что-то неподходящее в кастрюлю во время готовки или перепутали ингредиенты (ср. «Повар»). Однако уже второй стих вводит гротеск, характерный для взрослых стихотворений («Кажется, дедушка упал в щи» (Григорьев, 1997, с. 64), и из дальнейшего развития текста становится ясно, что для детей произошедшее – вовсе

не трагедия. В детской поэзии Григорьева легко можно было бы представить стихотворение со следующим сюжетом: ребята уронили вынесенные в заглавие очки в кастрюлю с супом, а подслеповатый дедушка их ищет. В «Очках» этот несуществующий, но легко реконструируемый сюжет выворачивается наизнанку. Дедушка падает в суп – видимо, именно из-за потерянных очков, – и очки, уже ненужные, отправляются вдогонку: «Не обращай внимания на пустяки, / Лучше брось в кастрюлю дедушкины очки» (Григорьев, 1997, с. 64).

Тема каннибализма (как вариант – некрофагии) довольно часто связана с героем, от лица которого ведется повествование. Его то и дело пытаются съесть: вампиры («В столовой с откусанным боком» (Григорьев, 2008, с. 71)), некрофаг («Отбросив с десяток трупов» (Григорьев, 2008, с. 319)), собственная жена:

«Среди молока и сливок
Стал куском масла.
Тут жена счастливая
На булку меня намазала...

Откуда жадность такая?
Ведь живем мы достатком.
Заварила какао
И съела меня без остатка» (Григорьев, 2008, с. 257).

То, что для жены героя ситуация поедания мужа носит как будто очень бытовой характер, мы видим и в стихотворении «Я был связан туго, до боли...» («Жена зачерпнула в ладони соли, / Посолила меня с головы до ног» (Григорьев, 2008, с. 257)). Сквозь быт, впрочем, может проглядывать и дополнительный смысл: как показывает Хворостьянова (2002, с. 84-85), стихотворения о поедании героя женой (как и об убийстве героем жены) объясняются библейскими подтекстами – с одной стороны, представлением о женщине как о вместилище греха, с другой – символикой Тайной вечери. Это не противоречит тому, что тема каннибализма прямо вырастает из нарушения детских запретов, напоминает об уже недостижимом мире детства и подчеркивает, как легко этот мир искажается и превращается во что-то пугающее. Но библейские ассоциации придают теме нарушения детских запретов дополнительную окраску (и неслучайно в поэзии Григорьева часто появляется образ райского сада – как правило, в трансформированном виде (стихотворения «Проволока», «Аркадия», «Яблоко», «Слезы» и т. д.)). В мире автора взросление тесно связано с утратой творческого взгляда и детской непосредственности, невинности.

Конечно, художественный мир Григорьева подчинен принципу метаморфоз, и не нужно воспринимать все буквально: герои взрослой поэзии пьют и убивают отнюдь не потому, что, будучи детьми, нарушали «божественные» запреты, а теперь расплачиваются. Напротив, проявление свободной воли и неприятие скучных запретов взрослых в детской поэзии обычно подается как что-то положительное. Скорее тема наказания за провинность проецируется на всю вселенную взрослых стихов: герои живут в аду, потому что даже не просто нарушают какие-то социальные или религиозные запреты, но потому что эти запреты оказались вообще забыты, их нет, а насилие, убийства, изнасилования и каннибализм стали нормой. Несколько выделяются из этой структуры лишь редкие герои Григорьева, сохранившие творческий взгляд на мир, как в стихотворениях «И вот ты появилась», «Танки», «Душа», «Родился я голым», «На смерть стрижа» и др., – но как раз такие герои часто становятся жертвой окружающего мира (о герое как жертве насилия (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 395)) и порой соотносятся со страдающим Христом (о возможных связях героев разных произведений с этим библейским образом (Хворостьянова, 2002, с. 87-90, 112)).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Художественный мир поэзии Олега Григорьева для взрослых – это узнаваемый, но страшно искаженный мир светлых детских стихов. Герои, события, темы произведений для детей воспроизводятся автором со сдвигом. Даже само предметное наполнение изображенной реальности во взрослых стихах восходит к детским. Однако в привычных элементах повседневной действительности дают о себе знать не уют и смешные нелепости светлого детства, а неустроенность существования привыкших к насилию маргиналов. На смену расположенности детей к безобидным шалостям и интересу ко вкусной, но вредной еде приходят темы агрессии, алкоголизма и каннибализма.

Становится ясно, что гиперболизированное насилие и нарушение базовых табу – это темы, появление которых вызвано отнюдь не стремлением эпатировать публику или «игрой» в черный юмор. Связь взрослых текстов автора с его детской поэзией помогает лучше понять устройство художественного мира: Григорьев в утрированном виде изображает реальность, в которой не осталось «детскости», того светлого взгляда, который так заметен в произведениях поэта для детей. При этом автор вовсе не пытается нормализовать насилие, напротив, он создает пугающий мир, столкновение с которым лишь сильнее мотивирует читателя ценить доброе, детское, творческое начало, которое в мире взрослых – по Григорьеву – так легко искажается и превращается в свою жуткую противоположность.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно указать изучение и других элементов художественного мира Григорьева, например, рассмотрение того, как по-разному в детской и взрослой поэзии реализуются присутствующие и там и там темы школьных формул, волшебных превращений, ситуации освоения персонажами законов устройства мира и языка. Наконец, имеет смысл подробно рассмотреть, как устроены

те произведения автора для взрослых, герои которых, как упоминалось, все же не потеряли детский, творческий взгляд. Это, в свою очередь, поможет еще точнее описать авторскую художественную концепцию – с тем чтобы точнее вписать творчество Григорьева в ближайшие литературные контексты (как детской, так и неподцензурной поэзии) и лучше осмыслить общие тенденции, характерные для литературы эпохи перестройки и смежных историко-культурных периодов.

Материалы исследования | Research materials

1. Григорьев О. Е. Винохранитель: стихотворения. СПб.: Вита Нова, 2008.
2. Григорьев О. Е. Птица в клетке: стихи и проза. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1997.
3. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950-1990-е годы: пособие для студентов высших учебных заведений: в 2 т. М.: Academia, 2003. Т. 1. 1953-1968.
4. Smith W. G. The Oxford dictionary of English proverbs / comp. by W. G. Smith; rev. by F. P. Wilson; with an introd. by J. Wilson. Oxford: Clarendon press, 1970.

Источники | References

1. Бокарев А. С. Диффузия «я» и «другого»: о субъектной неопределенности в лирике Олега Григорьева // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века: коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова. М.: Юрист, 2024.
2. Губайдуллина А. Н. Деонтология детства в лирике О. Григорьева // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8.
3. Дерябина Е. П. Традиции обэриутов в детских стихах Олега Григорьева // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 6 (18).
4. Зайцева Н. В. Приемы создания игровой поэтической реальности в детских стихотворениях Олега Григорьева // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 30-31 марта 2017 г. / под ред. Э. Р. Дроздовой, Е. В. Иванцовой, И. В. Крисанова: в 2 ч. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2017. Ч. 1.
5. Козлова С. М., Куляпин А. А. Отцы и дети в мире «черного юмора»: Д. Хармс и О. Григорьев // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9.
6. Лекманов О. Олег Григорьев и ОБЭРИУ: к постановке проблемы // Поэтика исканий, или Поиск поэтики. Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX-XXI веков и современные литературные стратегии», Москва, 16-19 мая 2003 г. / сост. Н. А. Фатеева; редкол.: Ю. С. Степанов и др. М., 2004.
7. Скулачев А. А. «Красная тетрадь» Олега Григорьева // Григорьев О. Красная тетрадь. Рукописи 1989-1991 гг. / сост., коммент. и вступ. статья А. А. Скулачева. СПб.: Красный Матрос, 2012.
8. Топоров В. Л. Олег Григорьев // Поздние петербуржцы: поэтическая антология. СПб.: Издательство «Европейский дом», 1995.
9. Хворостьянова Е. В. Поэтика Олега Григорьева. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2002.
10. Шубинский В. Очень хотелось бы обрадоваться // Григорьев О. Е. Стихи. Рисунки. СПб.: Издательство «Нотабене», 1995.
11. Юрьев О. А. Отстояние. «Летний день» Олега Григорьева как инициальный текст неслучившейся литературы // Новое литературное обозрение. 2014. № 2 (126).
12. Яснот М. Маленькие комедии Олега Григорьева // Дошкольное образование. 2002. № 23. <https://dob.1sept.ru/article.php?ID=200202306>
13. Morse A. Between summer and winter: late Soviet children's literature and unofficial poetry // Russian literature. Amsterdam. 2018. № 96/98.

Информация об авторах | Author information

Баранов Дмитрий Кириллович¹, к. филол. н.
¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Dmitry Kirillovich Baranov¹, PhD
¹ Saint Petersburg State University

¹ baranovdk@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.03.2026; опубликовано online (published online): 27.03.2026.

Ключевые слова (keywords): О. Е. Григорьев; неподцензурная литература; ленинградский андеграунд; поэзия для детей; детская литература; Oleg Grigoriev; uncensored literature; Leningrad underground; poetry for children; children's literature.